

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

История об отрубленной руке, стр. 3

– Плащ при тебе? – спросил он меня.

– Да, сударь, – отвечал я, – но он обошелся мне в сто цехинов наличными.

– Знаю, – заметил тот. – Получай, тут четыреста.

Мы подошли вместе к широкому парапету моста, и он отсчитал мне монеты; их было четыреста; блеск их радовал мое сердце, – увы! – не подозревавшее, что то будет его последняя радость. Я спрятал деньги в карман и собрался внимательно разглядеть щедрого незнакомца, но он был в маске, из-за которой на меня грозно сверкали темные глаза.

– Благодарю вас за вашу доброту, сударь, – обратился я к нему, – что вам теперь угодно от меня? Однако скажу заранее: на дурное дело я не пойду.

– Напрасная тревога, – возразил он, накидывая себе на плечи плащ. – Мне нужна ваша помощь, как врача, но только не для живого, а для мертвеца.

– Как это возможно? – вскричал я в изумлении.

– Я прибыл с сестрой из дальних стран, – начал он, кивком приказав мне следовать за ним, – тут мы жили у одного из друзей нашей семьи. Моя сестра вчера скоростийно скончалась, и родные хотят завтра похоронить ее. Но, по нашему старому семейному обычаю, всем нам надлежит покоиться в фамильном склепе; многие, умершие в чужих краях, все же были на бальзамированы и перевезены туда. Родне я согласен оставить ее тело, но отцу я хочу привезти хоть голову его дочери, чтобы он в последний раз взглянул на нее.

Обычай отрезать головы близким родственникам, правда, покоробил меня, но я не осмелился возражать из страха обидеть незнакомца. Поэтому я сказал только, что хорошо умею бальзамировать мертвецов, и попросил его проводить меня к покойнице. Однако я не удержался от вопроса – почему все это происходит ночью и облечено такой тайной? Он отвечал мне, что родных его намерение приводит в ужас и днем они стали бы препятствовать ему, но, когда голова уже будет отнята, им поневоле придется смириться; он бы мог прямо принести мне голову, но вполне понятное чувство не позволяет ему самому отрезать ее.

Тем временем мы подошли к большому великолепному дому. Спутник мой указал мне на него как на цель нашей ночной прогулки. Мы миновали главный портал дома, вошли в маленькую дверцу, которую незнакомец тщательно затворил за собой, и поднялись в темноте по узкой винтовой лестнице. Она вела в скудно освещенную галерею, через которую мы достигли комнаты, где горела одна лампа под потолком.

В этом покое стояла кровать, на которой лежал труп. Незнакомец отвернулся, видимо скрывая слезы. Он указал мне на кровать, велел быстро и хорошо исполнить порученное мне дело и вышел из комнаты.

Я достал свои инструменты, которые в качестве врача всегда имел при себе, и приблизился к кровати. Видно было только лицо трупа, но оно показалось мне таким прекрасным, что меня невольно охватила глубокая жалость. Волосы ниспадали длинными прядями, – щеки были бледны, глаза сомкнуты. Сперва я сделал надрез по коже, как принято у врачей при ампутации какого-нибудь члена; затем взял самый свой острый нож и одним взмахом перерезал горло. Но, о ужас! – покойница открыла глаза и вновь с глубоким вздохом сомкнула их, словно лишь сейчас испутив дух. И одновременно из раны на меня брызнула струя горячей крови. Мне стало ясно, что бедняжку умертвил я, ибо в том, что она мертва, сомневаться не приходилось: от такой раны спасения быть не может. Несколько минут простоял я неподвижно, трепеща от содеянного. Значит, красный человек обманул меня? Или же сестра была в летаргическом сне? Последнее показалось мне вероятнее. Но я не решился бы сказать брату, что менее глубокий разрез мог разбудить ее, не убив, и потому решил совсем отнять голову от туловища; но умирающая застонала еще раз, судорожно вытянулась и умерла; тут страх одолел меня, и я в смятении кинулся вон из комнаты. Снаружи в галерее было темно: лампа погасла, спутник мой исчез, и мне пришлось на ощупь продвигаться вдоль стены, чтобы добраться до винтовой лестницы. В конце концов я набрел на нее и, скользя, спотыкаясь, спустился по ней. Внизу тоже не оказалось ни души. Дверца была лишь притворена, и я вздохнул с облегчением, очутившись на улице, ибо там, в доме, мне было совсем невмоготу. Подгоняемый страхом, бросился я к себе на квартиру и зарылся в постель, стремясь забыть после совершенного мной страшного дела. Но сон не приходил, и лишь утро принудило меня собраться с мыслями. Я предполагал, что человек, толкнувший меня на такое страшное злодеяние, меня не выдаст. Я решился не мешкая отправиться к себе в лавку и заняться своим делом, приняв по возможности беспечный вид. Но увы! – новое обстоятельство, которое я обнаружил лишь сейчас, усугубило мою тревогу. Я не находил ни своей шапки, ни пояса, ни ножей и не мог припомнить, оставил ли я их в комнате убитой или растерял во время бегства. К несчастью, первая догадка была более правдоподобна, и, значит, меня легко могли уличить в убийстве.

В обычное время я открыл лавку. Сосед, как и каждое утро, не замедлил явиться ко мне, ибо он был человек общительный.

– Ну, что вы скажете, – начал он, – какое ужасное событие приключилось нынче ночью! – Я сделал вид, будто ничего не знаю. – Неужели вы не слышали того, о чем толкует весь город? Не слышали, что прекраснейший цветок Флоренции, Бианка, дочь губернатора, убита нынче ночью? Ах! Вчера еще я видел, как она, веселая, проезжала по улицам вместе с женихом, ведь на сегодня назначена их свадьба.

Каждое слово соседа, как острый нож, вонзалось мне в сердце, и пытка повторялась непрерывно, ибо каждый покупатель пересказывал мне эту историю, уснащая ее подробностями, которые были одна ужаснее другой; но до того ужаса, который видел я сам, никто додуматься не мог. Среди дня ко мне в лавку вошел судейский чиновник и попросил меня удалить покупателей.

– Синьор Цалевкос, – произнес он, доставая потерянные мною вещи, – эти вещи принадлежат вам?

Я собрался было отказаться от них, но, увидав в полуотворенную дверь своего хозяина и нескольких знакомых, которые могли бы свидетельствовать против меня, решил не отягощать своей вины еще и ложью и признал предъявленные мне вещи. Судейский чиновник предложил мне следовать за ним и привел меня в большое здание, оказавшееся тюрьмой. Там он до поры до времени оставил меня в отдельном помещении.

[Назад](#) << [1](#) [2](#) [3](#) [4](#) [5](#) [6](#) >> [Дальше](#)